

Ровно 40 лет назад, в феврале-марте 1964 года, в Ленинграде состоялся суд над молодым, талантливым питерским поэтом и переводчиком Иосифом Бродским. Суд признал тогда поэта... тунеядцем и приговорил к высылке «в отдаленные местности сроком на 5 лет с применением обязательного труда». В деревню Норинскую Архангельской области был выслан поэт, на лесоповал. С последующим, кстати, выдворением из СССР.

Иосиф Бродский
в ссылке

«ТУНЕЯДЕЦ»

Через 23 года поэт Иосиф Александрович Бродский встанет в один ряд с величайшими представителями литературного цеха мира! Он станет Нобелевским лауреатом по литературе. Нам бы гордиться своим соотечественником — за всю историю у нас их было только четверо (и трое из них были гонимы нашей властью)! — и Иосиф Бродский к тому времени был уже (не по своей воле) не наш. Он был гражданином США. Преподавал в американских университетах литературу, получил мантию Оксфордского университета, почетное звание поэта-лауреата, множество других международных премий и званий.

Итак, что же произошло тогда, 40 лет назад, в Ленинграде с юным гением?

Все могу понять: политика партии и правительства, происки мирового империализма, противостояние, тактика чинодралов, установка сверху, веяние времени, подписанты, одобряемы. Все это нам, «верным ленинцам» и «ударникам коммунистического труда», уж очень было знакомо. Не забылось пока.

Но одного — хоть убейте! — не могу понять: как могли питерские литераторы, писатели и поэты эту судебную-показательную «психушку» поддержать (именно с их восторженно-го одобрения состоялось судилище, что с особым смыслом отмечалось судьей Е. Савельевой)? Ведь к тому времени Иосиф был уже признанным поэтом. Его высоко ценила Анна Ахматова, в его активе были прекрасные переводы кубинских, испанских, сербских, венгерских поэтов, за него вступились Корней Чуковский, Самуил Маршак, Константин Паустовский, Дмитрий Шостакович (именно-то какие!). А ленинградская писательская организация бросила молодого коллегу на растерзание невеждам.

Передо мной стенограмма того позорища, которую негласно вела литератор Фрида Вигдорова. Потрясающий по своей абсурдности и глупости документ оставила она нам.

«Судья. Чем вы занимаетесь?»

Бродский. Пишу стихи. Перевожу.

Судья. Почему вы не работали?

Бродский. Я работал. Писал стихи. Переводил.

Судья. Нас это не интересует. Какая ваша специальность?

Бродский. Поэт. Поэт-переводчик.

Судья. А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?

Бродский. А кто причислил меня к роду человеческого?»

Как тут не вспомнить любопытную историю с Шалыпиным. Кучер спрашивает у него: «Барин, а што вы работаете?» — «Я пою», — ответил великий тенор. — «Дык петь-то мы все поем, а што вы работаете?»

Стоит напомнить и о том, что «тунеядец Бродский» не просто приглашался повесткой на судебные заседания, а доставлялся на «воронке» из камеры, где содержался аж с ноября 63-го, когда был арестован — особо опасный преступник!

— Что мешало вам трудиться? — спрашивает судья Савельева.

— Я трудился. Я писал стихи, — отвечает подсудимый Бродский.

— Мы это уже слышали. А как расценить ваше участие в нашем великом поступательном движении к коммунизму?

А как вы думали? Ведь партия к тому времени уже торжественно провозгласила — помните? — что коммунизм уже вот-вот постучится в нашу дверь, буквально на пороге стоит.

Еще более круто, нежели судья Савельева, выразил эту прогрессивную мысль свидетель обвинения некий Смирнов:

— Я лично с Бродским не знаком, но хочу сказать, если бы все граждане относились к накоплению материальных ценностей так, как Бродский, нам коммунизм еще долго не построить.

Впрочем, в том абсолютном дурдоме было несколько нормальных людей — В. Адмони, например, лингвист, переводчик, Е. Эткинд, член бюро секции переводчиков, Н.Грудинина, писатель и филолог.

— Когда я познакомился с Бродским, меня поразило то, что он самостоятельно, без

всякой посторонней помощи изучил польский язык, — сказал в своем выступлении Ефим Эткинд, — стихи Галчинского по-польски он прочел с таким же увлечением, с каким читал свои русские переводы. Я понял, что имею дело с человеком редкой одаренности и, что не менее важно, трудоспособности и усидчивости.

— Мое мнение таково, что как поэт Бродский очень талантлив и на голову выше многих, кто считается профессиональным переводчиком, — сказала Нина Грудинина.

А вот что сказал В.Адмони: «Тот указ, по которому привлечен к ответственности Бродский, направлен против тех, кто мало работает, а не против тех, кто мало зарабатывает. Тунеядцы — это те, кто мало работает. Поэтому обвинение Бродского в тунеядстве является нелепостью».

Но эти поистине здравые выступления буквально потонули в море зомбированных ораторов.

Но Раиса Ромашова, преподаватель марксизма-ленинизма в художественно-промышленном училище имени В.Мухиной, пошла в своем вульгарном цинизме, пожалуй, дальше всех:

— Меня удивляет, что мои коллеги создают такой ореол вокруг него. Ведь это только в советской стране может быть, чтобы суд так **доброжелательно** (здесь и далее выделено автором) говорил с поэтом, так **товарищески** советовал ему учиться. Я, как секретарь партийной организации училища имени Мухиной, могу сказать, что он плохо влияет на молодежь.

Ну что тут еще скажешь? Все сказано. И все сделано. Выслали поэта из Питера весьма **доброжелательно**. А потом и выдворили **потоарищески** из страны. Даже родителей похоронить, когда случилось горе одно за другим, не смог Иосиф — не пустили на родину.

Чему ж теперь удивляться, что сам он едва дожил при таком-то раскладе всего-то до 55 годов? 28 января 1996 года Иосиф Бродский скончался от сердечного приступа. Вдали от родины и родительских могил.